

— О, ты хищный зверь, а не человекъ!

— Ольга! твой отецъ — былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ гибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! а ненавижу, презираю тебя!

— Ненавидѣть, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!.. ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣтъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!.. я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже! — прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ: она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай! — сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку. Онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ: — послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня — тебя цѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ, какъ черная туча, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ; тебя не любить — невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему! да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей вѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно тебѣ постигнуть... если бъ я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобы я не проклялъ тебя, умирая...

— Проклинай! — отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали необходимое страданіе... Все было тихо, лишь

вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставляю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай — между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвухѣ блгъ небеснаго правосудія. Но... довольно!.. довольно!.. послушай!.. если бѣ бѣдная собака, издохшая, получившая отъ голода и жажды, съ визгомъ припала къ ногамъ твоимъ, а у тебя бы былъ кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце — не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!.. А! Но развѣ я это у тебя спрашивалъ.

— Ты хотѣлъ отвѣга... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его счеи, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься, — воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ, — онъ непременно долженъ умереть... и очень скоро!

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!

— Я надѣюсь на Бога... Онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ, или спасетъ его, не смотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!.. Онъ меня не знаетъ; онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами? Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга!.. Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣдній слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прильблела сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія — и, если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову... Онъ отвернулся, хотѣлъ, повидимому, что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе, или невольныя слезы, или стремясь съ сильнѣйшимъ порывомъ быяности исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе.